

«КЛАРА МИЛИЧ» И. С. ТУРГЕНЕВА И «ЧЕРНЫЙ МОНАХ» А. П. ЧЕХОВА: ИНТЕРЕСНЫЕ СБЛИЖЕНИЯ

Гоар Артуровна Григорян
Россия, Москва
go_xx@inbox.ru

Аннотация. К литературным параллелям творчества Тургенева и Чехова исследователи обращались многократно, однако многое в контексте этой проблемы до сих пор остается не проясненным. В числе таких вопросов стоит отметить след «таинственных повестей» Тургенева, а именно «Клары Милич», в одном из самых мистически-загадочных творений Чехова — в «Черном монахе». Сопоставительный анализ указанных произведений дает ряд интересных сближений, которые являются новым словом в творческом диалоге писателей.

Ключевые слова: Чехов, Тургенев, «Черный монах», «Клара Милич».

I.S. TURGENEV'S "CLARA MILICH" AND A.P. CHEKHOV'S "BLACK MONK": INTERESTING CONTINGENCES

Goar Grigorian
Russia, Moscow
go_xx@inbox.ru

Abstract. The problem of literary parallels between Turgenev's and Chekhov's creative works has been in the center of researchers' attention for awhile now, but there are still some aspects to be discussed. Among such issues the trail of the so-called Turgenev's "mystical stories", namely "Clara Milich", in one the most mysterious Chekhov's work "Black Monk" is still of great interest. The comparative analysis of these two works shows some interesting contingences between them, that help to better understand the creative dialogue between Turgenev and Chekhov.

Keywords: Chekhov, Turgenev, "Black Monk", "Clara Milich".

Тургенев — один из наиболее упоминаемых писателей в чеховском эпистолярии и в его художественных текстах. Прямыми и скрытыми отсылками к писателю — предшественнику пронизаны как ранние, так и поздние произведения Чехова. В центре его внимания были разные аспекты творчества Тургенева, которые зачастую получали полемическое звучание. Своеобразный цикл «таинственных» повестей и рассказов Тургенева также не стал исключением. Можно назвать несколько произведений, проблематика, сюжетная канва, творческая история которых дают возможность рассматривать их как художественный отклик Чехова: рассказы «Страх» и «Страхи», пьеса «Татьяна Репина» и одна из самых мистических повестей Чехова — «Черный монах».

Если в первых трёх указанных произведениях в художественном решении проблемы «таинственного» Чехов полемизирует с предшественником, лишая эту тему романтически-мистического ореола, максимально приближая к жизненному материалу, не нарушая «законов» своей писательской программы, то в случае с «Черным монахом» он сближается с Тургеневым – автором «Клары Милич».

Е.П. Кадмина, ставшая прототипом героини тургеневской повести «Клара Милич», – необычайно талантливая оперная певица и актриса, пользовавшаяся большим и заслуженным успехом у зрителей. Зимой 1881 г. в Харьковском драматическом театре шла драма А.Н. Островского «Василиса Мелентьева», где Кадмина играла главную роль. Во время спектакля актриса приняла яд и скончалась в тяжелых мучениях. Поводом к этому послужила несчастная любовь к некому офицеру, который после продолжительного романа разошелся с Кадминой, поскольку считал брак с актрисой неравным.

Трагической жизненной истории Е.П. Кадминой посвящены многие произведения русской литературы: «Последний дебют» А.И. Куприна, рассказ «Муж певицы» В. Куницкого, драма Н. Соловцова «Евлалия Рамина», комедия А.С. Суворина «Татьяна Репина» и др. Однако, по нашему мнению, именно тургеневская повесть была в центре внимания Чехова, о чем свидетельствуют многочисленные сближения «Клары Милич» с «Черным монахом».

Тургенев не раз подчеркивал в своих письмах, что в сюжетную основу «Клары Милич» легла реальная жизненная история. Так, Ж.А. Полонской он в 1881 г. писал: «Презамечательный, психологический факт – сообщенная Вами посмертная влюбленность Аленицына! Из этого можно бы сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По. Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене (когда она еще была оперной певицей; у ней было очень выразительное лицо)» [Тургенев 1968: 168]. Однако лично Кадмину Тургенев не знал, а вот с В.Д. Аленицыным – магистром зоологии – Тургенев встречался в семье Полонских. Впоследствии той же Ж.А. Полонской писатель признавался, что сюжет его повести «Клара Милич» возник после ее рассказов о Е.П. Кадминой и В.Д. Аленицыне.

А в «Черном монахе» Чехова нашли место некоторые события мелиховской жизни. М.П. Чехов в мемуарной книге «Вокруг Чехова» поделился обстоятельствами, отразившимися в этой повести: «В Мелихове у Антона Павловича, вероятно, от переутомления расходились нервы – он почти совсем не спал. Стоило только ему начать забываться сном, как его “дергало”. Он вдруг в ужасе пробуждался, какая-то странная сила подбрасывала его на постели, внутри у него что-то обрывалось “с корнем”, он вскакивал и уже долго не мог уснуть» [Чехов 1964: 257]. И однажды, в один из таких дней, Чехову, по его собственному признанию, приснился «страшный сон», в котором ему привиделся черный монах. «Впечатление черного монаха, – отмечает М. П. Чехов, – было

настолько сильное, что брат Антон еще долго не мог успокоиться и долго потом говорил о монахе, пока, наконец, не написал о нем свой известный рассказ» [Чехов 1964: 260].

Вот, что писал сам автор в письме к А.С. Суворину о творческом замысле своей повести: «“Черного монаха” я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении. Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись утром, рассказал о нем Мише» (П V, 265). Неслучайно Коврин, пытаясь понять, откуда взялся таинственный мираж, задается вопросом: «быть может, черный монах снился мне?» (С VIII, 233).

Таким образом, сюжетные истории этих повестей основаны на реальных жизненных событиях, не лишенных некоторых мистических составляющих. Кроме того, прототип тургеневского Аратова – Аленицын – магистр зоологии, а герой Чехова – Коврин – магистр философии; в обоих произведениях имеются отсылки к «Евгению Онегину», оба призрака появляются из вихря. Кроме того, после расставания Татьяна вспоминалась Коврину как та, «которая ... обратилась в ходячие живые мощи, и в которой, как кажется, всё уже умерло, кроме больших, пристально вглядывающихся, умных глаз...» (С VIII, 254), что отсылает к другому «таинственному» тургеневскому образу, к образу Лукерьи из рассказа «Живые мощи».

И, наконец, самое примечательное – финальные предложения в обоих произведениях почти дословно повторяются.

У Тургенева в «Кларе Милич»: «И опять на лице умирающего засияла та блаженная улыбка, от которой так жутко становилось бедной старухе» [Тургенев 1982: 117].

У Чехова в «Черном монахе»: «Когда Варвара Николаевна проснулась и вышла из-за ширм, Коврин был уже мертв, и на лице его застыла блаженная улыбка» (С VIII, 257).

На это совпадение финальных предложений в работе о Чехове и Тургеневе в свое время обратил внимание З.С. Паперный. Однако скупое указание учёного: «... при всем настороженном отношении Чехова к мотивам таинственного и потустороннего у Тургенева мы обнаруживаем свидетельства того, что и здесь опыт предшественника не прошел для него бесследно» [Паперный 1987: 134] – кажется недостаточным.

Здесь встает закономерный вопрос: в каком ключе интерпретировать схожесть концовок? Это результат чеховского безотчетного припоминания отдельных цитат из Тургенева или намеренное заимствование у предшественника, целенаправленная реминисценция? Разрешить эту загадку в какой-то мере могут эпистолярные заметки Чехова. Так, в письме к А.С. Суворину от 18 ноября 1888 г. Чехов писал: «...я всюду слоняюсь и жалуюсь, что нет оригинальных, бешеных женщин...<...> И все мне в один голос говорят: “Вот Кадмина, батюшка, вам бы понравилась!” И я мало-помалу изучаю Кадмину и, прислушиваясь к разговорам,

нахожу, что она в самом деле была недюжинной натурой» (П III, 74). В цитированном письме, кажется, содержится некий ответ на вопрос относительно переклички финалов.

Повесть Тургенева «Клара Милич» вышла в свет в 1882 г., а письмо к А.С. Суворину относится к концу 1888 г., и слово «изучаю» подтверждает, что Чехов, несомненно, был знаком с биографией и обстоятельствами трагической смерти Е.П. Кадминой и, разумеется, с тургеневской повестью. Поэтому мы полагаем, что в «Черном монахе» заключительное предложение правомерно рассматривать как осознанное заимствование Чеховым у Тургенева, стимулирующее к перепро чтению обоих произведений. «Черный монах» стал своего рода творческим ответом Чехова автору «Клары Милич».

Здесь необходимо обратить внимание еще на одну особенность чеховского подхода. Как известно, в разные периоды литературной работы Чехов по-разному оценивал сочинения Тургенева, подчас весьма критически, однако тургеневские романские финалы казались ему совершенными и, надо полагать, образцовыми.

Показательно в этом отношении известное письмо к А.С. Суворину от 24 февраля 1893 г., в котором он пишет: «Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? <...> Это чёрт знает как сделано. Просто гениально. “Накануне” мне не нравится всё, кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма. <...> “Дворянское гнездо” слабее “Отцов и детей”, но финал тоже похож на чудо» (П V, 174).

Почему именно тургеневские романские финалы удостоились наивысшей оценки Чехова? На наш взгляд, это связано с тем, что в них, несмотря на формальную завершенность, есть «открытость», недосказанность, художественная перспектива, некая обращенность в будущее. Все то, что особенно было созвучно творчеству Чехова, и то, как он видел решение концовок.

По Чехову, именно в финале должно быть сосредоточено основное впечатление от прочитанного, главное смысловое зерно произведения. Кроме того, как отмечал Чехов, для художника является обязательным «правильная постановка вопроса» (П III, 46), а решают пусть читатели «каждый на свой вкус» (П III, 46). Все это применимо и к финалу «Клары Милич», ведь до сих пор читатели гадают: благо или зло происходит с тургеневским героем. То же можно наблюдать и в «Черном монахе» Чехова.

Думается, Чехову здесь было близко ощущение сверхъестественного, таинственного, мистического, свойственное Тургеневу, когда оно не противопоставляется реальному, а является одной из его граней. Как отметила Н.А. Дмитриева, благодаря особенному свойству чеховского реализма – присутствию естественной мотивировки происходящего – «повесть о черном монахе кажется более таинственной

и мистической, чем “таинственные повести” Тургенева (“Клара Милич”, “Призраки” и некоторые другие)» [Дмитриева 2007: 258]. Однако эта естественная мотивировка происходящего присутствует и у Тургенева.

Отсылки к Тургеневу призваны у Чехова в «Черном монахе» не столько напомнить читателю о «Кларе Милич», сколько обозначить ключ, предложив тональность разговора. Сама смерть у Чехова здесь представлена в тургеневском ключе, когда физическая смерть не означает конец жизни. Неслучайно и Аратов, и Коврин умирают с «блаженными улыбками». «Черный монах» вообще оказывается очень тургеневским текстом Чехова. И очевидно, что сам Чехов включает свой текст в ряд «таинственных», обладающих особой поэтикой, сочинений Тургенева, что предлагает новое прочтение этой чеховской повести.

Литература

- Дмитриева Н. А. Послание Чехова. М., 2007.
- Паперный З. С. Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И. С. Тургенев в современном мире: Сб. ст. М., 1987. С. 127–136.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1982.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма: В 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13. Кн. 1.
- Чехов М. П. Вокруг Чехова: встречи и впечатления. М., 1964.

Григорян Гоар Артуровна — кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Grigorian Goar — candidate of philology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Dane kontaktowe / Contact details:

Григорян Гоар Артуровна — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 51.